

Варава В. А.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-42. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Алексей Михайлович родился «марта 9 дня 1629 года, а вошел на престол... в 1645 г... скончался по 31 лет в 1676 году февраля 10 дня» [1: 90]. При соблюдении принятых в Допетровской Руси правил календарного отсчета, автор пытается вывести из приведенных цифр «число зверя», т. е. начинает рассказ о периоде «избытия» предсказаний. Прямое указание на «число» явно повлекло бы за собой наказание «за оскорбление особ царствующего дома», поэтому автор позволяет включить в текст аллегорию.

Однако наибольшее осуждение вызывает у анонимного автора царь Федор Алексеевич, выступающий под номером «10», который в тексте назван «пагубе начальник». В данном случае, в тексте легко узнаваем намек об ужесточении гонений на сторонников старой веры. Последующие правители России – Иван Алексеевич и Петр Алексеевич указаны соответственно под номерами «12» и «13».

Из перечня выпадают номера «10» и «11», однако под неуказанными персонажами легко узнаваемы царица Софья и вдовствующая царица Наталья Кирилловна, так же некоторое время занимавшие пост правителя.

По всей вероятности приверженность автора к традициям Московской Руси не позволило ему включить женщин в царский список, хотя недвусмысленный намек на них, все же присутствует. Сам Петр, в заключении, был назван «последним антихристом». О причинах подобной персонификации в отечественной и зарубежной исторической науке сказано не мало, поэтому автор не ставит перед собой задач подробно останавливаться на данной проблеме. В данном случае автор «нумерологии» не оригинален и явно связывает с правлением Петра наступающую мировую катастрофу. Репрессии Петра по отношению к староверам сменились, более прагматичной «двойной податью». Однако автор сочинения принадлежал к радикальной части раскола и подсознательно мог рассматривать принятие Петром императорского титула в качестве собственно «избытия» или «конца света». Таким образом, принятие Петром Великим императорского титула воспринималось в Российском обществе не однозначно. Часть старообрядцев не увидело в нем, собственно, триумфа молодой России и блеска побед Петровской армии и флота, но отлично «разглядело» гибель старой Руси, восприняв ее как начало апокалипсиса. Сам факт новой коронации рассматривался ими, как принятие Петром западного венца, т.е. «благословения Римского папы».

Составитель анонимного эсхатологического сборника не мог сделать авторскую ссылку, что было равнозначно формулировке обвинения со стороны властей. Однако манера составления сборника говорит о работе в мастерской имеющей определенные литературные традиции.

Эта «нумерология» не является уникальной в старообрядческом литературном наследии. Однако от остальных ее отличает оригинальная математическая проработка и непропорционально большое введение небольшому текстовому анализу. Это объясняется тем, что, скорее всего, анонимный автор использовал компиляцию двух самостоятельных сочинений.

Особое место автор сочинения уделяет характеристики российских царей. Он делит их на «чистых» и «предвестников апокалипсиса». Авторские характеристики российских монархов далеко не всегда совпадают с признанными в современном старообрядчестве. В заключении хотелось бы отметить, что настоящее сочинение позволяет проникнуть в сложный внутренний мир человека XVIII столетия и является ценным памятником многогранной духовной культуры российского старообрядчества.

Список литературы

1. КНБ. РФ. Дело № 358615. 2. Сборник старообрядческий.
2. Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. - СПб., 1995.
3. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X- XVII веков. - М., 1990.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Варава В. А.
Кубанский государственный университет*

Международное гуманитарное право признает две категории вооруженных конфликтов: международные и внутренние. Борьба между двумя или несколькими государствами, считается международным вооруженным конфликтом, а вооруженные столкновения, происходящие в пределах территории одного государства, – немеждународными (внутренними), обычно их называют гражданскими войнами. Данные определения закреплены в таких международных документах, как Дополнительные протоколы I и II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.

Тем не менее, за последнюю четверть XX столетия международное сообщество столкнулось с кардинальными изменениями в структуре вооруженной борьбы и такая формальная классификация конфликтов более не отражает истинного положения дел. Распространение ядерного оружия и его сдерживающий фактор в том, что касалось прямых форм агрессии, во времена холодной войны привели к так называемым ин-

тернационализированным вооруженным конфликтам, которые велись на территории одного государства при тайном вмешательстве иностранных правительств, то есть, будучи, на первый взгляд, внутренними, на самом деле, были «войнами чужими руками». Примерами таких противостояний могут служить войны во Вьетнаме или Афганистане, где столкнулись интересы СССР и США, или в Камбодже, где с 1970 по 1975 г. г. кхмерские силы правительства Лон Нола с помощью США и Южного Вьетнама противостояли силам Королевского правительства национального единства Кампучии, пользовавшимся поддержкой Китая и Северного Вьетнама. Усиливающаяся взаимосвязь государств в результате глобализации, появление новых ядерных держав, все более частые террористические акты в западных странах, а также все ощутимее сказывающееся обеднение природных ресурсов – все это является причинами для иностранного вмешательства во внутренние конфликты. Отражением этой реальности служит тот факт, что в настоящее время внутренние конфликты становятся более многочисленными и носят более жесткий и разрушительный характер, чем их международные аналоги, несмотря на то, что основным механизмом ведения войны остается государство. Следовательно, международное гуманитарное право существует на фоне «слияния факторов внутренней и международной политики», что в итоге приводит к явлению интернационализованного конфликта: вмешательство третьих стран в гражданские войны остается постоянно действующим фактором [Стюарт 2003: 128-175].

Данная тенденция не получила должного отражения в международно-правовом регулировании. Исторически так сложилось, что в международном гуманитарном праве детально урегулированы межгосударственные войны. К примеру, Женевские конвенции 1949 г. и Протоколы 1977 г. насчитывают около 600 статей, из которых только статья 3, общая для Женевских конвенций 1949 г. и 28 статей Дополнительного протокола II применяются в случае внутренних конфликтов. В дополнение к этому следует указать, что Гаагское право, обращаясь к методам и средствам ведения боя и поведения армий на поле боя, не применимо к внутренним вооруженным конфликтам.

Этому есть разумное объяснение. Государства всегда готовы составлять подробные положения, регулирующие отношения между ними даже во время войн. Но как только речь заходит о гражданских войнах, страны не спешат связывать себя международными обязательствами, боясь вмешательства во внутренние дела. И действительно при внутреннем вооруженном конфликте возникают вопросы, относящиеся к суверенной власти государства, а не к международному регулированию.

Следует заметить, что отнесение вооруженного конфликта к международному или внутреннему имеет существенное значение. В случае признания конфликта международным, его жертвам гарантирована существенная правовая защита, пострадавшие же в результате внутрисюсударственных столкновений имеют только самые основные права, в частности, право на жизнь, на неприменение к ним пыток и телесных наказаний.

Здесь возникает закономерный вопрос о том, куда относить интернационализированный вооруженный конфликт, чтобы в дальнейшем дать правильную юридическую квалификацию его последствиям. Интересна позиция международных органов правосудия по данному вопросу. Постановлением Международного суда ООН от 27 июня 1986 г. по делу о военной деятельности в Никарагуа было признано, что конфликт был международным между США и Никарагуа, но в то же время внутренним между «контрас» и правительством Манагуа: «Конфликт между силами «контрас» и силами правительства Никарагуа являлся вооруженным конфликтом, «не носящим международного характера». Действия «контрас» против никарагуанского правительства относятся к праву, применяемому к такого рода конфликтам, тогда как действия США в Никарагуа и против этой страны подпадают под действия правовых норм, касающихся международных конфликтов» [Блищенко, Дория 1999: 238]. Таким образом, Международный суд ООН придерживается «дуалистического» видения вооруженного конфликта, в котором имеет место иностранное вмешательство. Он может рассматривать конфликт одновременно как внутренний и как международный в зависимости от качества противостоящих сторон. То есть, одно и то же действие оказывается то разрешенным, то запрещенным в зависимости от того, имело ли оно место в конфликтных отношениях между противниками, не принадлежащими к одному государству, или между противниками на национальном уровне. Например, комбатант имел бы право на статус военнопленного, будучи взят в плен вмешивающимся государством, и не получал бы такого статуса при захвате силами собственного правительства [Эрик 2000: 124]. Представляется что, такой принцип разграничения конфликта приводит к нелогичным результатам, трудно реализуем на практике и может стать источником новых противоречий.

Обратившись к доктрине, мы не найдем однозначного решения вопроса, но возможно приблизимся к этому. Существует мнение ученых, согласно которому интернационализированные вооруженные конфликты представляют собой особую категорию с правовой точки зрения. Следовательно, для преодоления связанных с ними гуманитарных проблем необходимо заключать специальные международные договоры [Егоров 1999: 12].

Анализируя данный подход, следует заметить, что современное международное гуманитарное право должно отойти от формализма и больше смотреть в глубь дела. Конечно, такие конфликты имеют свои особенности, но абсолютно нет никаких оснований для создания промежуточного звена между правом, применимым во внутренних вооруженных конфликтах, и правом, регулирующим военные действия международного характера [Вугон 2001: 87]. Кроме того, создание дополнительного правового регулирования потребует значительного времени, поскольку для этого необходимо согласование интересов большого числа госу-

дарств. Оно, непременно, будет вносить путаницу в уже существующие нормы, тем более, что разница между указанными видами конфликтов фактически отсутствует.

Некоторые исследователи выступают за единое право вооруженных конфликтов без их деления на международные и внутренние. Так, в 1978 г. на Совещании правительственных экспертов по вопросу о подтверждении и развитии гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, делегация норвежских экспертов предложила отказаться от деления вооруженных конфликтов на две категории и применять единое право для всех видов вооруженных конфликтов [Стюарт 2003: 128-175].

Оценив это предположение, можно прийти к выводу, что государства не готовы к такому развитию событий, боясь международного контроля, вмешательства во внутренние дела и ограничения суверенитета. Кроме того, это действительно опасно, так как повстанцы не всегда пользуются поддержкой извне. Они могут быть обычными уголовными преступниками, следовательно, подлежат уголовному преследованию по праву своей страны.

Заслуживает внимания точка зрения ученых, выдвигающих тезис об общей интернационализации конфликта при наличии иностранного вмешательства и, как следствие, о применении к нему полного комплекса норм международного гуманитарного права. Действительно, когда в гражданскую войну на стороне повстанцев вмешивается третье государство, оно фактически нарушает суверенитет этой страны, следовательно, превращает конфликт в международный. Несмотря на то, что такое вмешательство тайное или выражается только в финансировании, материально-технической помощи, оно является действенным способом влияния на государство, находящееся в состоянии гражданской войны. При этом степень интернационализации, т. е. объема такой незаконной помощи, должна достигать определенного уровня. Представляется разумным считать такой уровень достигнутым, когда повстанцы не в состоянии продолжать вооруженную борьбу без поддержки извне.

Как мы видим, различные нормы применимые в рамках режима Женевских конвенций и Дополнительных протоколов, не помогли должным образом справиться с получившими в настоящее время широкое распространение интернационализированными вооруженными конфликтами. Судебная практика говорит о применении столь же неясного принципа деления конфликтов. Ситуацию осложняет то, что конфликт с международными и внутренними элементами очень удобен для невероятных политических манипуляций. Поэтому будет логично согласиться с учеными, придерживающимися тезиса об общей интернационализации конфликта при наличии иностранного вмешательства и, как следствие, о применении к нему полного комплекса норм международного гуманитарного права. Это будет крайне важным для обеспечения более эффективной гуманитарной защиты в период интернационализованного вооруженного конфликта.

Список литературы

Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. - М., 1999.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. - 1993. - Вып. XLVI. - С. 134-182.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. - 1993. - Вып. XLVI. - С. 182-191.

Егоров С. А. Вооруженные конфликты и международное право: Автореф. дисс... д.ю.н. - М., 1999.

Стюарт Д. К единому определению вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве: анализ интернационализованного вооруженного конфликта // Журнал Международного комитета Красного креста: Сборник статей. - 2003. - № 850.

Эрик Д. Принципы права вооруженных конфликтов. - М., 2000.

Byron C. Armed conflicts: International or non-international? // Journal of Conflicts and Security Law. - 2001. - № 1.

«БОЛЬШОЙ СТИЛЬ» ЭПОХИ ТОТАЛИТАРИЗМА В СССР И ПРОЛЕТАРСКОЕ ИСКУССТВО (МУЗЫКАЛЬНЫЕ И НЕМУЗЫКАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Воробьев И. С.

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова

Формирование идеологии *пролетарской культуры или пролетарского искусства* начинается задолго до революции 1917 г. Марксисты, представители социал-демократического и рабочего движений в качестве движущей силы современной истории, как известно, видели пролетариат, которому делегировались свойства наиболее прогрессивного класса, способного преобразовать старый мир, привести человечество к счастливому будущему. Классовая теория марксистско-ленинской философии истории, социологии и политической экономики, разделяющая общество на угнетателей и угнетенных, буржуазию и пролетариат, в конечном счете, преобразовывалась в политическую утопию о диктатуре пролетариата в революционный период, а также об исторической необходимости уничтожения иных классов на пути создания бесклассового общества. Вместе с тем, рост политической активности рабочих в период, охватывающий две русские рево-